

Цзян Ту и сам смутно чувствовал могущественную волю Небесного пути. Ныне все три мира — смертных, призраков и богов — находились в безраздельной власти Небесного пути. Что уж говорить о нем, лишь номинальном Владыке преисподней, если даже Император призраков Сун Хэн и великие небожители были для Небесного пути лишь верными слугами.

Впрочем, Небесный путь предоставлял богам и призракам завидную свободу, избавляя их от законов пяти стихий и брэнного срока жизни, сковывавших мир смертных.

Да и в дела преисподней Цаншэндао вмешивался куда реже, чем в замыслы небожителей. Цзян Ту почти не замечал его невидимого присутствия; последний раз он ощущал эту волю много лет назад, когда едва переступил порог подземного царства и принял бремя Владыки.

Ощущение было странным: Небесный путь стоял над ними, но не поработал слепой силой, а укрывал, точно птица неоперившихся птенцов, или баюкал, как ласковая мать спящее дитя — мягко и заботливо.

Цзян Ту опустил взгляд и послушно встретился с сияющими янтарным блеском глазами своего юного ученика.

Мальчишка преданно смотрел снизу вверх, точно щенок, готовый завилать несуществующим хвостом. Он бесцеремонно накрыл ладонь наставника своими ладошками и доверчиво устроил на ней подбородок.

Цзян Ту лишь молча вздохнул.

Он мягко ущипнул Е Хуая за пухлую щеку:

— Вставай уже.

Тот нехотя поднялся и звонко, во весь голос выдал:

— Шицзунь!

— Угу, — этого небрежного кивка Цзян Ту хватило, чтобы Е Хуай едва не задохнулся от восторга.

Счастье переполняло его до краев. Теперь, когда Небесный путь скрепил их узы, юноша упивался сладким чувством полного единения.

«Другие старейшины набирают по два десятка учеников, — самодовольно рассуждал он. — Благословение Цаншэндао у них дробится на крошечные частицы, истончаясь с каждым новым приемником. А вот забота шицзуня достанется мне одному. Вся, без остатка».

Это было невероятно.

«Шицзунь принадлежит только мне...»

— Старейшина Цзян!

Громкий окрик бесцеремонно вырвал Е Хуая из сладких грез.

Перед Цзян Ту вырос статный молодой послушник. Преодолев робость, он низко поклонился:

— Старейшина Цзян! Я уже достиг великого круга первой ступени и числюсь среди лучших в новом наборе. Клянусь, я никогда не посрамлю ваше имя! Я... я давно восхищаюсь вами! Умоляю, примите меня в ученики!

К концу пламенной речи парень густо покраснел. Вокруг прыснули со смеху: со стороны это больше походило на неловкое сватовство, чем на прошение о зачислении в орден.

Е Хуай затаил дыхание, со страхом косясь на наставника. Соперник действительно был хорош собой и талантлив — любой другой старейшина оторвал бы такого кандидата с руками. Невольно сравнив себя с этим амбициозным юношей, Е Хуай с горечью осознал: кроме нежного возраста, сулящего разве что лишний десяток лет жизни, он ни в чем его не превосходил.

— Мне жаль, — ответил Цзян Ту без малейших колебаний, хотя в душе слегка удивился чужой навязчивости. — Мои силы не безграничны. Мой единственный ученик — Е Хуай.

Уныние Е Хуая как ветром сдуло. От радости он едва не кинулся на шею шицзуню, намереваясь повиснуть на нем безбилетным грузом, но строгий взгляд Цзян Ту мгновенно пригвоздил его к месту.

Цзян Ту перевел взор на несчастного просителя, чье лицо пошло багровыми пятнами от стыда и обиды:

— Твои врожденные способности весьма недурны. При должном усердии ты бы уже через год поднялся на вторую ступень. Причина, по которой ты топчешься на месте, проста — ты выбрал не ту стезю. Тебе не стоит тратить время на начертание талисманов. Твое истинное призвание — путь закалки тела.

Он говорил ровно и безучастно, словно рассуждал о капризах погоды.

Однако эти слова произвели на юношу неизгладимое впечатление. Он затрепетал, ловя каждый звук, а стоило Цзян Ту замолчать, принялся неистово кланяться, едва не задевая лбом

землю:

— Благодарю! Бесконечно благодарен вам, старейшина Цзян, за то, что открыли мне глаза!

С этими словами он сорвался с места и вихрем понесся в сторону тренировочных полей, на ходу швыряя в воздух охапки дорогих бумажных амулетов.

Среди кружащихся в воздухе желтых листков талисманов по толпе прокатился взволнованный шепот:

— Вот умора! Я ведь еще тогда, когда этот олух единым махом переломал десяток железных пластин, талдычил ему идти в мастера боевых искусств! А он уперся: мол, бродячий даос посулил ему великую славу заклинателя рун...

— Старейшина Цзян невероятен! С первого взгляда разгадал скрытый талант Юэ-шисюна!

— Пусть старейшина больше не берет учеников, но если он одарит меня хотя бы словом напутствия, я горы сверну! Расступись, дайте пройти! Если вы робеете, я полезу первым...

— Пойдите, а куда делся старейшина Цзян?

Но след Цзян Ту уже простыл — он благоразумно скрылся до того, как орава жаждущих знаний учеников успела взять его в осаду.

Е Хуай семенил следом, преданно заглядывая ему в лицо:

— Шицзунь, а я?

Если посторонний юнец мог достичь второй ступени за год, то сколько времени потребуется ему? Пусть сейчас его духовные силы были столь ничтожны, что не поддавались никаким мерилам, Е Хуай безгранично верил в мастерство наставника.

Цзян Ту смерил его оценивающим взглядом:

— Три года.

Три года!

Е Хуай принялся судорожно загибать пальцы. Скоро ему исполнится тринадцать. Выходит, к шестнадцати годам он поднимется на вторую ступень? Он вспомнил, как таинственный лекарь Байцзэ по секрету нашептал ему восторженные отзывы шицзуня. Значит, наставник и впрямь

видит в нем неограниченный алмаз!

Но Цзян Ту невозмутимо добавил:

— До третьей ступени.

Е Хуай споткнулся на ровном месте:

— До третьей... Что?!

За три года — на третью ступень?! Ему слышалось, или шицзунь оговорился?

Каждый шаг по пути самосовершенствования давался великим трудом, а переход со второй ступени на третью и вовсе знаменовался сокрушительным грозным бедствием. Пусть ныне, в эпоху угасания духовной энергии, небесная кара растеряла былую мощь, испытание молниями оставалось смертельно опасным барьером.

Многие заклинатели до конца дней своих не могли преодолеть этот порог, а иных и вовсе обращала в пепел разгневанная стихия. Те, кому удавалось выжить, ценились в мире совершенствующихся на вес золота — пусть они и уступали великим мастерам Земного ранга, но все же оставались редкими гостями в брестном мире.

Подобная скорость развития была немыслима. Даже прославленная воительница Тяньмин, Бог войны Жунъяна, чье имя гремело на весь Верхний мир, в свое время не сумела сотворить такого чуда.

Безусловно, вера наставника льстила юношескому самолюбию, но... не требовал ли от него Цзян Ту невозможного?

Заметив выражение полного отчаяния на лице мальчишки, Цзян Ту лишь приподнял бровь:

— Что такое? Не справишься?

Е Хуай скорее согласился бы броситься в кипящую лаву, чем признать перед шицзуном собственное бессилие. Лицо его исказилось в вымученной, жалкой гримасе:

— С... справлюсь... Обязательно справлюсь.

— Хорошо. Главное — верить в свои силы, — безучастно обронил Цзян Ту и ускорил шаг.

План в его голове обретал все более четкие очертания. Три года на третью ступень, еще пара

лет — на достижение Земного ранга, и спустя пять-шесть лет его ученик вознесется до Небесного ранга. Выходит, не пройдет и десятилетия, как миссия будет исполнена, и он сможет со спокойной душой покинуть этот мир.

Цзян Ту не сомневался в безграничном потенциале Дитя судьбы. Если этот паршивец не сумеет пробудить свои силы при поддержке древнейшего божества, грош цена его хваленой небесной судьбе.

Впрочем, в собственной безупречности Цзян Ту тоже был уверен на сто процентов. Единственной нерешенной проблемой, от которой у него уже начинала потихоньку побаливать голова, оставался вопрос: как заставить Е Хуая собственноручно оборвать его жизнь? Нужен был чертовски веский повод.

Пока он предавался этим безрадостным думам, впереди показалась знакомая бамбуковая хижина.

После церемонии посвящения им надлежало перебраться на Пик Плывущих Облаков, который Чэн Жан щедро выделил в личное владение новоявленного старейшины.

Эта ночь должна была стать последней, проведенной в старом жилище.

Шорох бамбуковых листьев оставался прежним, но жизнь самого ордена Прихода и Ухода всего за один месяц перевернулась с ног на голову.

Цзян Ту остановился у порога и, не оборачиваясь, негромко произнес:

— Будет тебе прятаться, Байцзэ. Выходи.

Из изумрудной бамбуковой чащи лениво вынырнул златовласый мужчина. Опершись плечом о гибкий стебель, он обезоруживающе улыбнулся и помахал им рукой.

Е Хуай тут же почтительно склонился:

— Приветствую вас, почтенный божественный лекарь.

От такого величания улыбка Байцзэ стала еще шире. У Цзян Ту мелко дернулся уголок губ. Он легонько подтолкнул ученика к двери:

— Е Хуай, ступай в дом. Мне нужно переговорить с ним наедине.

Мальчишка неохотно поплелся к порогу, бросая ревнивые взгляды через плечо, но послушаться

не посмел и скрылся за дверью.

Цзян Ту неторопливо подошел к лекарю:

— Прекрати забивать ему голову чепухой. Он еще слишком простодушен и принимает твои шутки за чистую монету.

Байцзэ безмятежно пожал плечами:

— Ну почему же шутки? Ты пришел в себя только благодаря моим снадобьям. Не вижу ничего предосудительного в том, что твой малец зовет меня великим целителем. Я ведь не требую от тебя непомерной платы за свои труды.

Цзян Ту лишь одарил его убийственным взглядом, красноречиво призывая замолчать.

— Считаю, как тебе угодно, — сухо оборвал он. — Лучше поведай, что слышно в преисподней?

Байцзэ притворно округлил глаза:

— Надо же! И как ты догадался, что я отлучался в царство мертвых?

Цзян Ту вздохнул, устав от его кривляний:

— Если бы ты оставался здесь, то без умолку трещал бы у меня над ухом круглые сутки. Твое внезапное исчезновение говорит само за себя.

— Твоя правда, — покладисто согласился златовласый. — Мне пришлось спешно вернуться в подземный мир, чтобы сообщить Сун Хэну о твоём ранении.

С этими словами Байцзэ извлек из глубин широкого рукава крошечный нефритовый флакон и настойчиво вложил его в ладонь собеседника:

— Это передал Император призраков. Снадобье поможет ненадолго защитить твою плоть от тлетворного дыхания скверны. Сун Хэн пожертвовал частью собственной духовной сущности, чтобы сотворить его. Если Небесный путь прознает об этом своеволии, нам несдобровать...

Он выразительно провел ребром ладони по горлу и добавил:

— Впрочем, пускай он сам тебе все объяснит.

Бремя Императора призраков было тяжким: чем шире простирались его владения, тем меньше свободы у него оставалось. В отличие от них, получивших дозволение ступить на землю смертных, Сун Хэн был обречен навечно хранить покой подземных глубин.

Байцзэ встряхнул крошечный, размером с ладонь, призрачный стяг. Стоило древним письменам на ткани вспыхнуть тусклым светом, как из глубин артефакта донесся глуховатый, прерывистый голос Императора призраков:

— Господин Цзян, приветствую. Известия Байцзэ о твоём ранении не на шутку меня встревожили. Как твоё самочувствие?

Цзян Ту почтительно сложил ладони в приветственном жесте:

— Благодарю за заботу, Ваше Величество. Мое тело идет на поправку, беспокоиться не о чем.

Из призрачного стяга донесся тихий, ровный смешок:

— Вот и славно. И не слушай рассказы этого болтуна Байцзэ. Снадобье вовсе не такое редкое, так что принимай его без колебаний, когда возникнет нужда.

Байцзэ возмущенно вытаращился на артефакт:

— Вот ведь проныра! Я тут, понимаешь, распинаюсь, а он...

— Я все понимаю, — Цзян Ту умиротворяюще кивнул лекарю, давая понять, что оценил его преданность, и вновь обратился к невидимому собеседнику: — Вы уберегли меня от многих бед, Ваше Величество.

Голос Сун Хэна стал заметно строже:

— Слушай меня внимательно, Цзян Ту. За один раз разрешено принимать не более одной пилюли. Ни в коем случае не превышай дозировку. Снадобье лишь притупляет восприятие скверны, обрывая связь на уровне чувств, но не останавливает разрушение твоей физической оболочки. Одна крупица способна лишь замедлить тление плоти. Ты достаточно мудр, чтобы осознать все риски.

— Прекрасно понимаю, — твердо отозвался Цзян Ту.

Этот дар походил на сильное обезболивающее: исчезновение страданий вовсе не означало исцеления раны. И если поддаться соблазну и переборщить с приемом, расплата окажется стократ страшнее.

Но даже при всех скрытых опасностях, для израненного тела Цзян Ту это снадобье стало истинным спасением.

Выразив признательность за неоценимую помощь, Цзян Ту заметил, что призрачный стяг все еще продолжает мерцать тусклым светом.

— У вас осталось ко мне какое-то дело, Ваше Величество? — озадаченно спросил он.

Сун Хэн тихо вздохнул:

— Нет, господин Цзян. Сбереги себя.

— Непременно. Связь инь-ян отнимает слишком много ваших сил. Обрывайте канал.

Полог призрачных знаков на стяге медленно растаял, и артефакт погрузился во тьму.

Байцзэ бережно спрятал стяг в рукав, качая головой с весьма красноречивым выражением лица:

— Ох, Цзян Ту, ну и ну... Ну ты и чудовище...

— Что не так? — ледяным тоном отозвался тот. — Голос Сун Хэна звучал натянуто и слабо. Вместо того чтобы тратить духовную энергию на пустые разговоры, ему следовало бы заняться восстановлением собственной души.

Божественный лекарь лишь страдальчески прижал ладонь ко лбу и со стоном выдохнул:

— О Великие Силы, да смилуется над нами Владыка Янь... Хотел бы я дожить до того дня, когда найдется безумец, способный растопить это ледяное полено.

Цзян Ту недоуменно нахмурился:

— О чем ты вообще толкуешь?

\*\*\*

Тем временем в стенах бамбуковой хижины воцарилась тишина.

Убедившись, что наставник и лекарь скрылись из виду, Е Хуай бесшумно скользнул в самый темный угол комнаты. Запустив руку за пазуху, он извлек на свет ветхую, таинственную

тетрадь. Его янтарные зрачки на мгновение вспыхнули золотом, и прямо в воздухе перед ним зависло крошечное, пляшущее пламя.

Это было простейшее заклинание призыва огня, которое Цзян Ту показал ему лишь однажды, но одаренный юноша схватил его суть на лету.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Е Хуай испуганно огляделся. Он так и не осмелился признаться шицзуню, что удостоился личной встречи с Шэнь Синем.

С тем самым зловещим незнакомцем с обезображенным лицом, который настиг его в лекарской лавке.

После того как защитный барьер Небесной реки был восстановлен, любая тварь или вещь, несущая на себе печать скверны, при попытке проникнуть сквозь завесу должна была обратиться в прах за долю секунды. Однако это жуткое существо, скрывавшееся под чужой личиной, прошло сквозь барьер так легко, словно его и вовсе не существовало.

Юношу сковывал первородный страх. И все же куда сильнее он страшился того, что правда о его величайшем грехе — использовании священной сердечной крови Циляня для спасения наставника и хранении этой загадочной книги — выплывет наружу.

Странные, чуждые символы, начертанные на пожелтевших страницах, заставляли его нутро содрогаться. Он интуитивно осознавал: если кто-то из заклинателей ордена увидит этот артефакт, его жизнь оборвется в то же мгновение.

Раны на руках, откуда он цедил драгоценную кровь, почти затянулись. По счастью, пришедшие холода заставили всех облачиться в плотные одежды, так что никто не мог заметить уродливых шрамов.

Но эта книга... Оставлять ее у себя было безумием.

Стиснув зубы, Е Хуай решительно поднес плотные страницы к пляшущему язычку пламени.

Он рассуждал наивно и просто: на ощупь фолиант казался самой обычной бумагой, а пламя, сотворенное с помощью истинной магии, было способно обратить в пепел любую земную вещь. Значит, уничтожить книгу не составит труда.

Однако стоило краю обложки коснуться золотистой искры, как произошло немыслимое.

Книга не обуглилась, не рассыпалась серой пылью, как ритуальные бумажные деньги. Вместо этого она мгновенно вспыхнула, сжавшись в крошечный вихрь ослепительных искр, и стремительной молнией вонзилась прямо в межбровье юноши!

Е Хуай не успел даже вскрикнуть. Разум его разорвала такая дикая, первобытная боль, какую смертное тело вынести было просто не в силах.

Схватившись за голову, он согнулся пополам и рухнул на дощатый пол, корчась в судорогах.

Мука лишила его голоса — из горла не могло вырваться ни звука. Холодный пот градом катился по лицу, одежда вмиг промокла насквозь. Юноша задыхался, свернувшись калачиком в тщетной попытке унять раздирающую его изнутри силу.

Он и не подозревал, как по его шее и скулам стремительно расползается нежный, серебристо-белый мех.

Золотое сияние во лбу разгоралось все ярче, и сквозь кожу на голове медленно, с хрустом пробились острые ветвистые рожки, напоминающие черный нефрит. А у самого основания позвоночника прорезался длинный, переливчатый хвост божественного зверя, окрашенный в алый, лазурный и белоснежный цвета. Извиваясь в предсмертной агонии, он намертво обвился вокруг его ног.

Теряя остатки сознания, Е Хуай сквозь удушливую гарь и боль уловил едва заметный, призрачный аромат — тонкое благоухание раскрывшихся бутонов, пробивающееся сквозь жар пламени. Этот запах приближался.

Повинуясь слепому зову крови, полуживой зверь пополз навстречу спасительному теплу, точь-в-точь как израненный детеныш, ищущий защиты у своего вожака.

Тот, кто вошел, не оттолкнул его. Оказавшись в надежных объятиях, Е Хуай судорожно обвил длинным хвостом чужое запястье, словно панически боясь, что его бросят в этой бесконечной тьме. Пушистые уши сиротливо прижались к голове, а из груди вырвался жалобный, тихий скулеж.

Вскоре он ощутил, как прохладные пальцы мягко и неспешно поглаживают его загривок, успокаивая взбунтовавшуюся кровь.

Сквозь пелену забытья до слуха донесся знакомый, бесконечно родной голос. Цзян Ту тихо шептал ему на ухо:

— Все кончено... Спи, мой маленький цилинь.